

Юрий Сергеевич открыл дверь и тут же, извинившись, вернулся к телефону. Продолжался, видимо, важный для него разговор. Положив трубку, он сказал:

— Это я с Владимиром Павловичем Басовым... Он снимает на «Мосфильме» картину по моему роману «Техника безопасности». Хотите послушать, какая там будет хорошая песня? — и писатель попытался ее напеть...

— Но нашу беседу, Юрий Сергеевич, все-таки хочется начать не с песни, не с романа и не с фильма — о них речь впереди, — а вот с чего. Насколько мне известно, вам не приходилось еще писать автобиографию для читателя. Меня интересует такой факт вашей жизни: окончив факультет журналистики (об этом я узнала из аннотации к вашей первой книжке «Азарт»), вы начали трудиться не по специальности, а пошли работать егерем, горным рабочим и т. д. Почему?

— Я, безусловно, попытаюсь ответить на финальное «почему?» этого вопроса, но для начала считаю необходимым устранить из него ряд неточностей. В 1958 году я окончил обучение на отделении журналистики историко-филологического факультета Уральского университета. Отделение, а не факультет. И сразу же начал работать в газетах, то есть по специальности. В Свердлов-

ске, например, я сотрудничал в «молодежке» «На смену» — и в ней мне повезло на недолгие товарищеские отношения с человеком, которого я никогда не забуду... Это Михаил Михайлович Пилипенко. Помните: «Ой, рябина кудрявая, белые цветы...»? Это его слова, из его «Уральской рябиночки», поются до сих пор. Михаил Михайлович был очень честный и чистый человек. Я благодарен ему за внимательное, бережное-терпеливое введение в мир набираемых типографскими машинами слов и понятий... Ну, а потом я вернулся в родной Иркутск и почти три года работал в областной партийной газете «Восточно-Сибирская правда». Славная это была пора. Добрая. Азартная... От души кланяюсь из сегодня моим тогдашним строгим наставникам: Андрею Григорьевичу Ступко, Елене Ивановне Яковлевой, Владимиру Николаевичу Козловскому, сибирским журналистам Борису Новгородову, Павлу Новокшонову, Виктору Соколову... Тогда, в конце 50-х—начале 60-х годов, в Иркутске неожиданно сконцентрировалась весьма даже приметная своими литературно-газетными начинаниями среда: Александр Вампилов, Валентин Распутин, Вячеслав Шугаев, Евгений Суворов, Владимир Жемчужников. И писать было о чем: Братск, Коршуниха, Тайшет—Абакан... И писали: цветисто, размашисто, подменяя цветистость и размашистостью неумение мыслить. Конечно, это совсем не означает, что мы тогда не умели думать и не думали. Думали. Но не масштабно... периферийно, чаще всего по первой сигнальной системе. И вот тут самое время для ответа на то самое финальное «почему?», то есть почему захотелось уйти из газеты и сменить специальность... Ну, во-первых, тогда это было модным. Чем больше, скажем, стояло после фамилии какого-нибудь молодого писателя названий перепробованных им профессий, тем он выглядел бывалее, что ли... А во-вторых, — и вот это мне кажется посущественнее — вдруг возникло какое-то еще не до конца осознанное ощущение несоответствия между тем, что просила от меня газета, и тем, что хотелось самому предложить в нее. Мой газетный герой почему-то не укладывался в масштаб реально существующего, скажем, того же строителя Братска. И захотелось постичь таинство этого «неукладывания». Захотелось сойтись с этим реально существующим героем вплотную и потолковать с ним на одном языке, без предварительного предъявления газетного удостоверения. Захотелось уйти из газеты и как бы непосредственно из жизни посмотреть на предлагаемые ею слова и понятия... Скажу честно, что этот процесс был для меня непросто и ошибок было немало предостаточно.

— Юрий Сергеевич, а вот еще один интересный, как мне кажется, факт вашей биографии. Вы дружили с Василием Шукшиным. Какое влияние он оказал на ваше творчество?

— По-бу-ди-тельное. Я научился у него слышать в себе свою Родину. Это от него перешло ко мне ясное понимание того, что без душевного не может быть духовного. И — наоборот. Вот вы знаете, мы разговариваем с вами в те часы и в тот день, когда уже началась Куликовская битва... Не знаю, почему уж так вышло, но привидилось мне сегодня под утро — речка в тумане, а над ним, над туманом, в полном беззвучии движутся, движутся... голы русские воинов, и среди них — голова Василия Макаровича. В боевом шишаке, в русой бородачке... Я знаю,

Юрий СКОП:

«ЖИТЬ ЗА РОДИНУ»

откуда такое пришло, — Шукшин мечтал именно так отснять переправу через Дон казаков Разина. Да... Я уже не раз в дружеском кругу рассказывал, а один раз даже напечатал в маленькой газетке один чрезвычайно важный для меня эпизод, связанный с внутренней жизнью этого очень большого художника. Полагаю, что читателям «Литературной газеты» он тоже будет интересен... Так вот, однажды ночью, в пору тревожного оканчивания Василием Макаровичем работы над фильмом «Странные люди», я остался ночевать у него в Свиблове, на Русанова, 35, в квартире номер 33. И у нас с ним потом далеко за полночь случился вот какой разговор... Было тихо. За окном шел снег. Шукшин сидел на кровати в белой рубашке... Посмотрел на меня как-то прорубно (иного слова тут не подберешь) и заговорил... откуда-то не с начала: «...Не ты и не я Льва Толстым не будем. Мы с тобой уйдем в навоз. Только ты: вот чего должен понять... Только на честном навозе может произрасти когда-нибудь еще что-то подобное Льву Николаевичу. Только на честном!»

Шукшинская побудка постоянно во мне, и если бы Василий Макарович был жив, я бы обязательно рассказал ему недавно услышанное от одного сельского человека. Его зовут Владимир Гаврилович Баранов. Он живет в деревне Жуковка Судогодского района Владимирской области. Ему уже пошел восьмой десяток. Он воевал. Всю войну. Простым солдатом. Был жестоко ранен. И не один раз. Вернувшись с войны, работал. Не ныл. И только недавно, когда уж шибко стали мучить старые раны, подал на инвалидность как участник Отечественной. Ан не так-то все просто. Потребовали, чтобы он припомнил номера полевых госпиталей, в которых лечился. А как он их мог запомнить-то?.. — никто не подумал. В общем, отказали. Пришлось заступаться за старого солдата. Лед тронулся. Владимира Гавриловича вызвали на ко-

миссию и... упорно признали, что он — чушь какая-то! — «годен к нестроевой». А значит, инвалидность не положена...

После этого известия пришел ко мне Владимир Гаврилович, сидел понуро, покурив и сказал слова, что буквально поразили меня:

— Вишь, как оно выходит-то. Во-она. Ну, да и шут с ним! С докторами этими... Им уж, конечно, виднее — куда меня притулять. Обучали на это... А с другой стороны — и пусть. Я вить свою обиду-то соображаю. Она вить не на Родину — не-е-ту. Так что и ты это по-

нимай правильно. Я вить воевал-то не за справку ичную, а за Родину... Вот и ничего. Переживем. И будем жить за ее...

Во мне так и всплыли слова — жить за Родину. Я их и сейчас слышу кожей. На Куликовском, Бородинском, Прохоровском полях войны сражались и умирали за Родину. А ведь сколько еще людей и жило за нее! Жило! Чтобы она была сильной, свободной и красивой. За Родину жил и Василий Макарович Шукшин... До конца. До последнего сердечного стука.

— В одном из очерков, написанных вами несколько лет назад, вы сами задаете себе вопрос «...Что дает мне право рассказывать?». Так что же дает вам это право?

— Сперва необходимое уточнение: вопрос этот — по авторству — тоже шукшинский. Василий Макарович частенько ставил его перед самим собой. И по-своему отвечал. Я на него тоже нашел свой ответ: «право рассказывать» дает мне мое понимание свободы художественного творчества. Что это такое? Я лично определил для себя твердо: свобода художественного творчества — это партийно и народно осознанная необходимость говорить Правду.

— В аннотации к роману «Техника безопасности», выпущенному издательством «Современник», говорится, что книга написана «по социальному заказу». Как вы понимаете социальный заказ?

— О... Вот здесь я, пожалуй, призову на помощь В. О. Ключевского. Ведь давно ли, обращаясь к «каждому из нас», он сказал: «Определяя задачи и направление своей деятельности, каждый из нас должен быть хоть немного историком, чтобы стать сознательно и добросовестно действующим гражданином».

А как же иначе? Ведь все, действительно, так и есть: только добросовестным, честным трудом, только осознанной ответственностью за каждый наполненный прожитый тобою день навечно впредается во время тот самый компонент историзма, из которого затем и возникает вели-

чественная История Родины. Быть современником — значит: быть историком! А быть историком — значит, быть гражданином!..

В конце-то концов кому не известно теперь, что исторические факты не одни лишь глобального масштаба события. Чувства и взгляды, идеи и впечатления людей, живущих сегодня, — те же факты, и притом очень важные для последующего исторического изучения. «Будущее заложено в настоящем, и, решая задачи сегодняшнего — социалистического дня, мы постепенно вступаем в день завтрашний — в день

коммунистический», — сказал с трибуны внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев.

Так что социальный заказ для меня — это и гражданская, и творческая реакция Совести на плохое или прекрасное в жизни.

— В «Технике безопасности» поднято очень много важных производственных и социальных проблем. Со времени публикации романа прошло три года. А как, на ваш взгляд, сегодня обстоит дело с этими проблемами?

— То есть вы хотите спросить, как эти проблемы решаются в жизни, да? Ну, так я полагаю, что было бы странным, наверное, если бы, скажем, в той же «Литературной газете» появилась, ну, такая, к примеру, рубрика: «По следам выхода книг», вроде «По следам наших выступлений», в которых сообщалось бы читателям, что, скажем, после выхода романа Ю. Скопа «Техника безопасности» жене прототипа романа объявлен строжайший выговор за легкомысленное поведение и посещение гостиниц после одиннадцати. Но это, конечно, в шутку. А вот если всерьез, то жизнь не стоит на месте. В июле 1979 года были приняты, например, важные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР — о дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма и задачах партийных и государственных органов, об улучшении планирования... А об этом, в какой-то мере, конечно, как раз и спорили, и судили герои моего романа, и рассуждали, как и я, на скорейшие, причем решительные и коренные исправления уже обнаруженных или только-только-только обнаруживаемых недостатков в этом важнейшем деле. Что же касается всякого рода социальных проблем, то я был, есть и буду убежден в одном: их могут решить только честные, думающие, инициативные, творчески мыслящие люди, независимо от того, какие руководящие посты и должности — большие или самые малые — они занимают. В этом и заключается, как мне кажется, глубочайший смысл основных уставных партийных требований.

— Если я не ошибаюсь, все ваши произведения созданы на основе личных наблюдений. Считаете ли вы, что они, эти личные наблюдения, обязательны для писателя в работе над будущей книгой?

— Скажем, если литератор будет писать, как ограбили банк, то ему, наверное, не стоит принимать участие в действительном ограблении. Потому что очень уж рискованно. А вдруг поймут... А вот изучить материалы следствия и так провернуть их сквозь свой думающий аппарат, чтобы потом и написать, скажем, про Родиона Раскольникова или Катюшу Маслову, — вот это да!.. Так что изучение дела, о котором собирается писать автор, — это как бы и своеобразное участие в нем. Ну, а что касается меня лично, то я все еще не избыл желания увидеть, потрогать, пошевелить то, о чем собираюсь писать.

— Как я уже поняла, мы скоро увидим новый фильм по вашему сценарию. А с какими еще вашими работами мы познакомимся в ближайшее время?

— В издательстве «Советская Россия» слана в производство книга моих повестей «Дети, бегущие от грозы». Это своеобразный итог моим сочинениям о родной Сибири. Надеюсь на ближайшую публикацию в журнале «Дружба народов» маленькой повести «Со стороны». Она вобрала в себя очень важный момент кристаллизации характера начинающего жить человека...

Вот прямо сейчас народный артист РСФСР Владимир Басов заканчивает съемки двухсерийной картины по моему роману «Техника безопасности». Она будет называться «Факты минувшего дня». Сегодня я был на «Мосфильме» в павильоне, где А. Мартынов, В. Теликина и Л. Куравлев снимались в сцене, в которой поют романс, написанный В. Баснером на слова М. Матусовского. После этого романа еще долго-долго стоит рядом с сердцем шемливая, чистая грусть:

...Была ветла, да вдруг
пригнулась
Чтоб не ожит уже весной...
Была судьба,
да разминувшись
Чтоб вновь не встретиться
со мной
Чтоб вновь не встретиться
со мной...

О судьбе, о совести, о культуре, о Родине говорят и думают герои моей еще не до конца написанной книги. Над ней, а следовательно, и о ее судьбе я думаю постоянно...

Беседу вел
Р. БАРУЗДИНА